
Отрывки из поэмы: Бахчисарайскій фонтанъ.

I.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія ;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ спранѣ родной.
Сѣдой опецѣ гордился ею,
И звалъ опрадою своею.
Для спарика была законѣ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онѣ :
Чпобѣ дочери любимой доля
Была, какѣ вешній день, ясна ;
Чпобѣ и минушныя печали
Ея души не помрачали ;
Чпобѣ даже за мужемѣ она
Вспоминала сѣ умиленьемѣ
Дѣвичье время, дни забавѣ,
Мелькнувшихѣ легкимѣ сновидѣньемѣ.
Все вѣ ней плѣняло: пихій нравѣ,
Движенья спройныя, живыя
И очи темно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомѣ украшала;

Она домашніе пиры
 Волшебной арфой оживляла ;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,
 И много юношей по ней
 Въ спраданьи шайномъ изнывали.
 Но въ пишинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И независимой досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давноль? и чшо же! шмы Ташаръ
 На Польшу хлынули рѣкою.
 Не съ столь ужасной быспротою
 По жашвѣ спелелся пожаръ.
 Обезображенный войною,
 Цвѣшущій край осиротѣлъ;
 Исчезли мирныя забавы
 Уныли селы и дубравы
 И пышный замокъ опустѣлъ.
 Тиха Маріина свѣшлица.
 Въ домовоѣ церкви, гдѣ кругомъ
 Почіюпъ моци хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ Княжескимъ гербомъ
 Воздвиглась новая гробница.
 Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну,
 Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ,

И пягоспнымъ ярмомъ безславимъ
Опустошенную спрану.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную Княжну.
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадитъ :
Ея унынье, слезы, споны
Тревожатъ Хана крапкій сонъ,
И для нее смягчаетъ онъ
Гарема спротиве законы.
Угрюмый спорожъ Ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ,
Не смѣетъ успремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ пощаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ Ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальной возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьи
Позволено ей жить одной,
И мнитъ, въ томъ уединеньи
Сокрылся нѣкто не земной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ дѣвы Пресвятой ,

Души поскоющей отрада;
 Тамъ упованье въ пишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обиаешъ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ;
 Тамъ двѣ слезы проливаетъ
 Вдали зависпливыхъ подругъ;
 И, между шѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ ушопаетъ,
 Свяшню спрогую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жершва заблуждений,
 Среди порочныхъ упоеній
 Хранишъ одинъ свяшой залогъ,
 Одно божешвенное чувство. . . .

Наспала ночь; покрылись шѣнью
 Тавриды сладосшной поля;
 Вдали, подъ шихой лавровъ сѣнью
 Я слышу шѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіанье шомное наводитъ.
 Крышы бѣлой пеленой,
 Какъ шѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,

Проспыхъ Тапаръ спбшашъ супруги
 Дблншь вечернне досуги.
 Дворецъ ушихъ; уснулъ Гаремъ ,
 Объяшый нбгой безмяшежной;
 Не прерываеяся ничбмъ
 Спокойсво ночи. Спражъ надежной
 Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
 Теперь онъ спншь; но спрахъ прилежной
 Тревожншь въ немъ и спящй духъ.
 Измбнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даешъ уму.
 То чей-то шорохъ, по шеппанье ,
 То крики чюдяпся ему;
 Обманушый невбрвымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожншь ,
 Напуганнымъ прннкнувъ ухомъ. . . .
 Но все кругомъ его молчншь;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пемницы бьюшъ ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поюшъ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлешъ .
 И снова сонъ его обвемлешъ.

II.

Какъ милы пемныя красы
 Ночей роскошнаго Востока !
 Какъ сладко льются ихъ часы

Для обожателей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ пиши Гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подѣ вліаніемъ луны
 Все полно шайнѣ и пишины
 И вдохновеній сладостраспныхъ! .

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
 Едва дыша, вспаепъ она;
 Идетъ; рукою шоропливой
 Открыла дверь; во пѣмъ ночной
 Спускаепъ легкою ногой. . . .
 Въ дремотѣ чухкой и пугливой
 Предъ ней лежитъ эвнухъ сѣдой.
 Ахъ! сердце въ немъ неумолимо;
 Обманчивъ сна его покой! . . .
 Какъ духъ, она промчалась мимо.

Предъ нею дверь: съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка. . . .
 Вошла, взираепъ съ изумленьемъ. . .
 И шайный спрахъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кропкій ликъ
 И Крестъ, любви символъ священный,

Грузинка! все въ душѣ швоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невняшно вдругъ заговорило. —
 Предъ ней покоилась Княжна
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланипы оживлялись,
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой помной озарялись.
 Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ опягощенный цвѣтъ.
 Спорхнувшій съ неба сынъ Эдема,
 Казалось, Ангелъ почивалъ
 И, сонный, слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ Гарема.
 Увы, Зарема, что съ побой?
 Стѣснилась грудь ея поскою,
 Невольно клоняшся колѣни,
 И молишъ: „сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій,, . . .
 Ея слова, движенье, спонъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ;
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришъ;
 Въ смятеньи, шрепешной рукою
 Ее подѣмля, говоришъ:
 „Кто ты? . . одна, порой ночью —
 За чѣмъ ты здѣсь?“ — я шла къ тебѣ;

Спаси меня; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ оспалась. . . .
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день опѣ дня. . . .
 И пѣнь блаженства миновалась ;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко. . . . но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донинѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Попоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море
 И человѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами. . . .

Спрахъ и горе

До нынѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной пишинѣ
 Въ пѣни Гарема разцвѣтала,
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья пайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги

Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасные набѣги
 И свой Гаремъ ояшь узрѣлъ.
 Предъ Хана въ смупномъ ожиданьи
 Предспали мы. Онъ свѣплый взоръ
 Оспановилъ на мнѣ въ молчаньи,
 Позвалъ меня. . . . и съ эпихъ поръ
 Мы въ непрерывномъ упоеньи
 Дышали счаспьемъ, и не разъ
 Ни клевета, ни подозрѣнье,
 Ни злобной ревности мученье,
 Ни скука не смущала насъ.
 Марія! ты предъ нимъ явилась. . . .
 Увы! съ тѣхъ поръ его душа
 Преспупной думой омрачилась.
 Гирей, измѣною дыша
 Моихъ не слушаетъ укоровъ,
 Ему докученъ сердца спонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преспупленью непричастна;
 Я знаю: не пвоя вина. . . .
 И такъ послушай: я прекрасна,
 Во всемъ Гаремѣ ты одна
 Моглабъ еще мнѣ быть опасна;
 Но я для спраспи рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь,
 За чѣмъ же хладной красой

Ты сердце слабое превозишь ?
 Оспавь Гирея мнѣ; онѣ мой :
 На мнѣ горящѣ его лобзанья,
 Онѣ кляшвы спрашныя мнѣ далѣ ,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочешалѣ ;
 Меня убѣщѣ его измѣна.
 Я плачу; видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предѣ побой,
 Молю, винишь себя не смѣя ,
 Опдай мнѣ радостѣ и покой,
 Опдай мнѣ прежняго Гирея. . . .
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онѣ мой! онѣ ослѣпленѣ побою.
 Презрѣньемѣ, прозьбами, поскою ,
 Чѣмѣ хочешь, опвраши его;
 Клянись. . . . (хоть я для Ал-Корана,
 Между невольницами Хана,
 Забыла вѣру прежнихѣ дней:
 Но вѣра машери моей
 Была швоя) клянись мнѣ ею,
 Зарему опврашишь Гирею. . . .
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ. киньжаломѣ я владѣю,
 Я близѣ Кавказа рождена.—“

Сказавѣ, исчезла вдругѣ. За нею
 Не смѣелѣ слѣдовать Княжна.

Невинной дѣвѣ непоняшенъ
 Языкѣ мучительныхъ спраспей,
 Но голосъ ихъ ей смушно вняшенъ;
 Онъ спраненъ , онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасушъ отъ посрамленья?
 Чшо ждешъ ее? уже ли ей
 Остатокъ горькихъ юныхъ дней
 Провесшъ наложницей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея пемницѣ опдаленной
 Забылъ несчастную на вѣкѣ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ!
 Съ какоюбъ радостью Марія
 Оспавила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Чшо дѣлашъ ей въ пуспынѣ міра?
 Ужь ей пора, Марію ждущъ. . .
 И въ небеса, на лоно мира,
 Родной улыбкою зовущъ.

А. Пушкинъ.

СОБРАНИЕ
НОВЫХЪ РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ
съ 1823 по 1825 годъ,

СЛУЖАЩЕЕ ДОПОЛНЕНИЕМЪ КЪ СОБРА-
НІЮ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ
И ПЕРЕВОДОВЪ.

~~~~~  
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.  
~~~~~

Musa dedit fidibus Divos, puerosque Deorum,
Et pugilem victorem, et equum certamine primum,
Et juvenum curas, et libera vina referre.

.....
Tyrtaeusque mares animos in Martia bella
Versibus exacuit.

Horatius de arte Poëtica.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ типографіи Императорской Россійской
Академіи,

1826.